

УДК 1(091)(430)

Два проекта «критики разума»: И. Кант и Ф. Ницше

Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор

Соотноятся два проекта «критики разума», осуществленные в рамках двух различных парадигм философствования – классической, на примере учения И. Канта, и неклассической – в рамках ницшеанской «переоценки всех ценностей». Показано, что, несмотря на радикализм Ф. Ницше, объявившего кантовский критицизм непоследовательным и половинчатым, его критика разума по-прежнему сохраняет непреходящее значение.

Two projects of „criticism of reason“: I. Kant and F. Nietzsche

T. Rummyantseva, PhD in philosophy

Two projects of „criticism of reason“ are carried out within the limits of two various paradigms of philosophizing – classical, on an example of the doctrine of I. Kant, and nonclassical – in frameworks of Nietzsche’s „revaluations of all values“. It is shown that, despite radicalism of Nietzsche which have declared Kant’s criticism inconsistent and vague, its critic of reason still keeps not passing value.

Азбучной истиной для любого приступающего к изучению истории философии стало, благодаря Г. Гегелю, положение о том, что всегда «существуют и существовали различные философские учения», что их «многообразие было и есть безусловно необходимо для существования самой науки философии, что это является ее существенной чертой» [1, с. 82, 84]. Но, даже хорошо осознавая гегелевскую мысль о развитии философии как чрезвычайно сложном и противоречивом процессе, звенья которого складываются из порой несопоставимых, а иногда и прямо противоположных друг другу систем, трудно представить в истории западноевропейской мысли два более непохожих философских учения и, соответственно, двух столь различных философов, какими являются И. Кант и Ф. Ницше. Один – богопослушный и внутренне глубоко религиозный, попытавшийся дать прочное обоснование истинной религии; другой – «антихристианин», стремившийся дезавуировать посредством своих генеалогических изысканий веками сложившиеся стереотипы толкования основных религиозных догматов и роли христианства в европейской культуре. С одной стороны, поборник морали, создатель «этики долга», сформулировавший категорический императив, позволивший ему, как он полагал, ответить по существу на вопрос о том, как должен поступать человек, если он хочет приобщиться к подлинно нравственному; и имморалист до мозга костей, враг морали – с другой, провозгласивший делом всей своей жизни переоценку бывших до сего времени ценностей. Отмеченный ряд, мягко выражаясь, несовпадений во взглядах двух выдающихся немцев можно было бы продолжить, однако мы попытаемся, тем не менее, обозначить такую область их интересов,

в границах которой прослеживается, как бы это не показалось странно, некоторая общность *целей* обоих мыслителей. Имеется в виду, в частности, то, что и И. Кант, и Ф. Ницше вошли в историю европейской культуры во многом как мыслители, провозгласившие главным делом философии *критику* (и критику разума, в частности).

И. Канта традиционно упоминают именно как основателя критической философии и критического метода – критицизма, благодаря которому радикально изменилось представление о сути и предназначении философии, ибо последняя, по его мысли, должна базироваться на критике или критическом исследовании нашей познавательной способности и тех границ, до которых простирается человеческое познание. Отсюда и его эпистемологический проект более тщательного изучения того, *что* мы можем знать и *как* мы можем знать путем изучения способа работы нашего разума. Свою критическую философию Кант с самого начала разрабатывал, противопоставляя ее предшествующей традиции метафизики. Эта метафизика стремилась познать непознаваемое – сверхчувственное и трансцендентное, абсолютно не заботясь при этом об исследовании предпосылок и возможностей человеческого разума. Таким образом, она была некритичной по отношению к разуму, полагая, что его познавательные способности безграничны. Отсюда и резкое неприятие И. Кантом ее догматизма, который не устраивал мыслителя за ограниченность мнимым знанием, за нежелание выявлять обоснованность высказываемых суждений. В то же время он резко критиковал и скептицизм – за то, что тот не признавал возможным получение позитивного знания как такового. Однако, провозглашая свой метод критики разума, полагая, что эта критика должна за-

трагивать всякое притязание на познание и истину, быть тотальной, ибо «ничто не должно от нее ускользнуть», Кант, в то же время, как и полагает философу-классику, ни в коей мере не подвергал сомнению ни само познание, ни возможность достижения истины. Речь шла, таким образом, о выявлении лишь необоснованных претензий разума и догматических предрассудков о его всеисилии. Об этом он и писал в предисловии к первому изданию своей главной работы — «Критика чистого разума», подчеркивая, что наш век «не намерен больше ограничиваться мнимым знанием и требует от разума, чтоб он вновь взялся за самое трудное из своих занятий — за самопознание и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания — не путем приказания, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как *критика самого чистого разума*» [2, с. 11]. Исследуя диапазон познавательных сил разума, философ превратил его в своего рода трибунал, перед которым должно было предстать все существующее, в том числе и сам разум со всеми порождаемыми им иллюзиями. Исследованию этих иллюзий (или трансцендентальной видимости) посвящена его трансцендентальная диалектика как учение о разуме. Здесь он исследовал его ложные притязания — то, что и почему не может разум, хотя и хочет. И. Кант также показал необходимую и конструктивную роль последнего в познании и практической деятельности людей, ибо идеи разума выполняют регулятивную функцию, направляя вперед научное познание и задавая нравственные идеалы человеческой жизни.

Из такого понимания философии как *критики разума* проистекают многие основополагающие установки последующего, в том числе и неклассического типа философствования. Принято полагать, что именно от Канта ведет свое начало тот новый этос философствования, который вот уже на протяжении двух последних столетий был наиболее действенным и конструктивным. Имеется в виду идея немецкого мыслителя о том, что философия должна быть критическим вопрошанием о настоящем, когда философ перестает покоряться действительности и творит новые ценности, утверждая законодательный характер своей науки. Так понимал философию и Ф. Ницше, ставший радикальным продолжателем критического дела И. Канта. Хотя, разумеется, для Ф. Ницше с его беспощадным радикализмом И. Кант как критик кажется чрезвычайно непоследовательным. Он, в частности, полагал, что, притязая на тоталь-

ную критику, тот на деле осуществляет лишь политику компромисса, не покушаясь на само познание и истину как таковые. Отвергая лишь злоупотребления и нарушения познания, И. Кант, по мысли Ф. Ницше, никак не подвергает сомнению характер самих идеалов этого познания. И. Кант и в самом деле сохранил в силе все идеалы философской классики — подлинное познание, подлинную истину, подлинную мораль и т. п.

Итак, Ф. Ницше пошел в своей критике разума гораздо дальше Канта; он отверг не только ложные истины, но и познание как таковое, понимая под последним всего лишь заблуждение, фальсификацию. Он выступил уже не против иллюзий познания, а против познания и истины как таковых, которые, на его взгляд, есть не более чем лишь иллюзия. Так, он полностью отвергает рациональную трактовку истины в качестве главной цели человеческого познания, считая, что это место принадлежит самой жизни со всеми ее страстями и влечениями. Широко известны его высказывания о том, что «в жизни есть лишь желания и их удовлетворения, а что между ними — истина или заблуждение — не имеет существенно-го значения». Значительно опережая по времени одного из своих будущих последователей в этой области — американского мыслителя Р. Рорти, философ отрицает объективный характер истины, то, что она вообще выражает некое отношение самих вещей, «нечто такое, что уже существовало, что нужно поэтому только найти, открыть — она есть нечто, что нужно создать и что дает имя процессу, стремлению к победе». Истинам, как вполне логичным, несущим на себе печать общезначимости, «затасканным, захватанным, химерам», сконструированным бездушным рассудком, Ф. Ницше противопоставляет заблуждения, ибо только они пронизаны человеческими заботами и желаниями, способствуют сохранению и возрастанию жизни. Диалектика истины и заблуждения здесь достаточно сложна и противоречива: философ то сталкивает их друг с другом, отдавая приоритет заблуждению; то не видит между ними вообще какого-либо принципиального различия. Так, истина превращается у него в то же заблуждение, только неопровержимое («что удастся, то и истинно») [3, с. 171].

В силу того, что реальность он трактует в качестве неупорядоченного потока становления, оказывается невозможным говорить о какой-либо соизмеримости категорий мышления и действительности. «Вещь в себе», «субъект», «субстанция», «единство Я», «каузальность» и т. п. — все это, по Ф. Ницше, не более чем эвристические, антропоморфизирующие мир упрощения и пред-

рассудки разума, от которых надо отказаться, противопоставляя им энергетику воли к власти. Отсюда и его пресловутый *перспективизм* как единственно возможная бескомпромиссная критика познания и разума. «Настало время заменить кантовский вопрос: „как возможны синтетические суждения а priori?“ другим вопросом: „зачем нужна вера в такие суждения?“ ... синтетические суждения а priori не должны бы быть вовсе „возможны“; мы не имеем на них никакого права; в наших устах это совершенно ложные суждения. Но, конечно, нужна вера в истинность, как вера в авансцену и иллюзия, входящая в состав перспективной оптики жизни» [4, с. 249]. Принципиальной установкой его перспективизма становится идея о том, что каждое живое существо обладает особой точкой видения этого мира вечно меняющейся перспективы, когда мы не можем ничего сказать «о вещи самой по себе, так как в этом случае мы лишаемся точки зрения познающего»..., который как бы останавливает на мгновение этот вечно становящийся мир с тем, чтобы логизировать и схематизировать его. При этом никто не в состоянии обосновать истинность своей перспективы. Процесс познания превращается, таким образом, в оценку, интерпретацию и созидание мира, когда все от начала и до конца обусловлено деятельностью самого субъекта.

Наряду с такого рода гносеологическим прагматизмом Ф. Ницше отдает приоритет в познании вовсе не разуму, а инстинктивно-бессознательному, непосредственно-интуитивному началу. Это вытекает из противопоставления им разума жизни. Разум не способен понять последнюю, он умерщвляет или, в лучшем случае, деформирует ее, он случаен, «даже в самом мудром человеке он составляет исключение: хаос, необходимость, вихрь – вот правило». Не лгут, по Ф. Ницше, только чувства, «мы сами вносим ложь в их свидетельства, приписывая явления единство, вещественность, субстанцию, положительность и т. д.». Только в инстинкте непосредственно находит свое проявление принцип всего существующего – воля к власти; только инстинкт является ее аутентичным выражением. Ф. Ницше ставит физическую, инстинктивную сторону в человеке выше, чем духовную, которая, по его мнению, является лишь надстройкой над истинным фундаментом – жизнью тела. Разум, сознание, будучи симптомом несовершенства организма, выступает, по Ф. Ницше, вперед только тогда, когда утерян верный инструмент – инстинкт.

Упрекая И. Канта в том, что ему недоставало подлинной критики разума, Ф. Ницше полагал, что тому так и не удалось раскрыть инстанцию,

которая должна проводить эту критику, ибо у И. Канта критика стала критикой разума со стороны самого разума. Последний (разум – Т.Р.) в таком случае является одновременно и судьей и подсудимым. Как писал Ж. Делёз: «Критической инстанцией (у Ф. Ницше. – Т.Р.) не является ни „сложившийся“ человек, ни какая-либо возвышенная форма человека, духа, разума или самосознания... Критическая инстанция есть воля к власти, а критическая точка зрения – точка зрения воли к власти... Цель критики: не цели человека или разума, но в конечном счете сверхчеловек, превзойденный, преодоленный человек. В критике (опять же у Ф. Ницше. – Т.Р.) речь идет не об оправдании, но о том, чтобы иначе чувствовать, об иной чувственности» [5, с. 199], что и составило суть его переоценки.

Несмотря на попытки ее радикального продолжения-преодоления в творчестве Ф. Ницше, кантовская критика разума по-прежнему сохраняет свое непреходящее значение, а его идеи о единстве критики и философии разделяют многие философы XX в. Так, М. Фуко в своей «Археологии знания» видел заслугу И. Канта в том, что именно он поставил в качестве одной из главных проблему философии по отношению к «сейчас» – не созерцать вечное, не рефлексировать историю, а диагностировать наши актуальные становления. В терминах кантианского словаря это критическое вопрошание о настоящем и есть попытка ответить на вечные вопросы: что мы можем знать, что мы должны делать, на что смеем надеяться?

В наши дни остается чрезвычайно актуальным и кантовский призыв пользоваться *собственным* разумом, когда главным способом существования философии по-прежнему остается критика, способная определить те условия, при которых применение нашего разума становится законосообразным. Опять, как во времена И. Канта, разум приобретает роль последнего законодателя и судьи, перед которым предстает все существующее. И хотя сам философ рассуждал главным образом в гносеологической плоскости, его критическая установка на осмысление всего того, что дано нам как всеобщее и необходимое, а что как единичное и случайное, раскрывает перед нами возможность постоянно вопрошать о нашем бытии и о нас самих сегодняшних. Критика разума означает преодоление настоящего, всего устоявшегося в нем, или, как бы сказал Ф. Ницше, «переоценку всех ценностей»; хотя, конечно же, отнюдь не в смысле их разрушения или же отрицания, пусть даже и в мысли. Так, суть критической работы философии, по Ж. Делёзу, состоит в отыскании сил, при-

водящих в действие присвоение мира в качестве видимого, познаваемого, уже в самой своей явленности несущего некую ценность.

В этом смысле кантовскую критику разума не стоит рассматривать только как учение, созданное более двух веков назад и остающееся сегодня по-прежнему чрезвычайно важной составляющей постоянно прирастающего философского и общекультурного знания. Один из доминирующих векторов последующего за Кантом развития философии, многое из того, что и сегодня есть в ней глубокого и истинного есть, как писал замечательный российский философ М. К. Мамардашвили, во многом лишь «осознание» действитель-

ных идей классической философии, в том числе и критической философии И. Канта.

Список цитированных источников

1. Гегель, Г. Лекции по истории философии / Г. Гегель. — СПб., 1993. — Кн. 1.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. — М., 2007.
3. Румянцева, Т. Г. Фридрих Ницше / Т. Г. Румянцева. — Минск, 2008.
4. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 2.
5. Делёз, Ж. Ницше и философия / Ж. Делёз. — М., 2003.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.03.2009 г.